

THE
СМОТРИ

Эдуард Подвербный

Эдуард Подвербный

Не Смотри

<https://litres.ru/74127708>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Соболев получает в наследство квартиру бабушки в старом доме в центре Волгограда. Он переезжает в начале января — начать новую жизнь, сделать ремонт, продать жилплощадь. С ним его кот Барон, молчаливый мейн-кун с жёлтыми глазами.

В первую же неделю Иван замечает странности. Соседка напротив роняет неясную фразу о бабушке. Сантехник удивляется зазору под входной дверью. А по ночам из прихожей доносится шорох.

Иван не верит в мистику. Он ищет объяснения. Но чем дольше он живёт в квартире, тем труднее отличить реальность от паранойи. Бабушка оставила ему не только квартиру. Она оставила правило: «Не смотри в глазок».

Но правила существуют, чтобы их нарушать.

«Не смотри» — камерный хоррор о том, что может скрываться за обычной дверью.

Содержание

Глава 1. Квартира	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эдуард Подвербный

Не Смотри

Глава 1. Квартира

Ключ провернулся с таким усилием, будто замок не открывали многие годы. По сути — так и было. Я надавил плечом — дверь поддалась с влажным чмоканьем, обдав моё лицо спёртым воздухом. Этот запах. Воск, старая бумага, пыль. И что-то ещё, едва уловимое под слоем времени — горьковатый травяной дух, как в церковной лавке.

Я перешагнул порог. Половица отозвалась низким, утробным скрипом. Соседка снизу, наверное, подняла голову к потолку. Ну ничего, привыкнет. Теперь я здесь живу.

— Ну вот, Барон, — я поставил переноску на пол. — Мы дома.

Кот мне, конечно же, не ответил. Сквозь решётку переноски виднелась только серая тень — он забился в угол и отказывался выходить. Барон вообще не любил перемен. А это место пахло для него иначе, чем прежняя московская квартира. Я его понимал — для меня тоже.

Я снял шапку, растегнул пуховик. В прихожей было холодно — не намного теплее, чем на улице. Отопление едва дышало. Я мысленно добавил в список дел звонок в управ-

ляющую компанию и прошёл вглубь для осмотра.

Прихожая встретила меня старым зеркалом в латунной раме. Я скользнул по нему взглядом, не задерживаясь: мутное стекло, потускневшая амальгама, где-то в углу виднелась трещина. Нужно будет его выкинуть. За зеркалом проступали рваные обои — бабушкин выбор, ещё с советских времён. Напротив входа — дверь. Массивная, обитая чёрным дерматином. Посередине — латунный глазок. Я машинально глянул в него: искажённый коридор, обшарпанная стена с облупившейся краской, жёлтый круг от лампочки на площадке. Ничего особенного.

Я включил свет. Лампочка в прихожей зажглась не сразу — моргнула пару раз, потускнела, а затем разгорелась. Пятнадцать ватт, не больше. Я добавил в свой мысленный список: купить нормальную лампу.

Квартира была двухкомнатной «распашонкой» — такие называли «сталинками». Высокие потолки, узкий коридор, массивные двери. Пять лет здесь никто не жил. Бабушка умерла в двадцатом, отец не дожил до вскрытия завещания, и теперь я, Иван Соболев, тридцать один год, менеджер строительной компании, стоял посреди пыльного наследства и не знал, радоваться мне этому или нет.

С одной стороны — своя квартира. Не съёмная, не ипотечная. Своя. Да ещё и бесплатно. В Москве за такую пришлось бы убить лет двадцать жизни, и то не факт. С другой — Волгоград. Январь. И пять лет простоя, который надо раз-

гребать.

Я прошёлся по комнатам. Спальня — окно во двор-колодец, голая железная кровать, старый шкаф с разохшимися дверцами. Зал, он же гостиная, он же бабушкина комната — дверь заперта, ключа в связке не нашлось. Кухня — маленькая, с выходом на застеклённый балкон. Балконная дверь мне не поддавалась, и я решил, что до весны туда можно не соваться.

В ванной пахло ржавчиной. Я крутанул кран — трубы загудели, задрожали, выплюнули бурую жижу и затихли. Вода перекрыта. Газ тоже. Прекрасно.

Я вернулся в прихожую, к переноске. Барон по-прежнему не выходил. Его жёлтые глаза следили за мной из темноты.

— Давай, зверь, вылезай, — я открыл решётку. — Осваивайся.

Он не шелохнулся. Я протянул руку, почесал за ухом. Барон прижал уши и тихо, едва слышно, зашипел. На меня он не шипел никогда.

— Ладно, — я выпрямился. — Дело твоё.

Первые дни я почти не выходил из квартиры. Разбирал коробки, мыл полы, сдирал с окон старые занавески, рассыпавшиеся в руках. На кухне выгреб из шкафчиков пучки сухой травы, перевязанные бечёвкой. Бросил в мусорный мешок. Потом подумал и завязал мешок потуже.

В перерывах заказывал пиццу — курьер каждый раз долго плутал по району. Выйдя забрать коробку, я замечал, как он

косится на тёмное окно четвёртого этажа. Однажды спросил: «Там вообще жилое помещение? А то выглядит как заброшенное». Я пожал плечами: «Теперь жилое».

На третий день мне позвонила мать.

— Сынок, привет. Ты всё-таки переехал.

— Привет, мам. Да.

— Я надеялась, ты передумаешь. Продал бы лучше — да и вернулся.

— Куда возвращаться? В съёмную квартиру на окраине Москвы? Тут всё-таки своя жилплощадь.

— Эта жилплощадь, — она сделала паузу, — она с историей. Я тебе уже говорила.

Я вздохнул. Мать никогда не рассказывала подробностей. Только общие фразы: «Твоя бабка была странной», «В этом доме мне было не по себе», «Я рада, что мы уехали». Сколько я ни спрашивал в подростковом возрасте — она отмахивалась. Сейчас, будучи взрослым, я перестал спрашивать. Решил: старая семейная драма, не моё дело.

— Разберусь, мам. Сделаю ремонт, да и продам. Может, буду сдавать. Посмотрим.

Она помолчала.

— Ты хоть кота с собой взял?

— Барона? Конечно. Он тут сидит, осваивается.

— Следи за ним. Коты всё чувствуют... Какие-то нехоро-

шие у меня ощущения внутри.

Я усмехнулся.

— Мам, ты медсестра. Какие «нехорошие ощущения»?

— Вот именно. Я медсестра. Я видела, как пациенты за час до смерти начинали с кем-то разговаривать, хотя в палате никого не было. Думай что хочешь. Твоя жизнь.

Она сбросила звонок. Я отложил телефон и посмотрел на Барона. Кот сидел у входной двери и смотрел на неё. Просто смотрел. Уши торчком.

— Что, Барон? Мыши за дверью?

Барон не обернулся.

На четвёртый день пришёл Геннадий Валентинович — сантехник. Кряжистый мужик с седыми усами и промасленной жилеткой поверх клетчатой рубахи. Пахло от него табаком и металлом. Он долго возился на кухне, гремел ключами, подкручивал вентили. Я топтался рядом, изображая полезного помощника.

— Ну, с водой порядок, — сказал он наконец, вытирая руки тряпкой. — По газу сам вызовешь, это уже не ко мне.

— Спасибо. Сколько с меня?

Он назвал цену, я полез за бумажником. А он уже взялся за куртку, но вдруг задержался в прихожей. Я заметил, как он смотрит на дверь.

— Слышь, парень. А чё у тебя зазор такой?

— Какой?

— Ну, между дверью и полом. — Геннадий Валентинович присел на корточки. Я подошёл ближе. Действительно — щель. Сантиметра три, не меньше. Тусклый свет с лестничной площадки пробивался сквозь неё тонкой полоской. — Тут обычно сантиметр, не больше, а то и меньше. А тут — гляди, будто пилили.

Он провёл пальцем по нижнему краю двери. Срез был неровным, шершавым.

— Может, усадка? — предположил я.

— Точно не усадка. Тут кто-то явно поработал. Изнутри.

Я присел рядом. Теперь и я видел: срез шёл волнами, он явно был рукотворным. Как будто кто-то долго и терпеливо срезал дерево ножом. Или стамеской. Или... не знаю, я отогнал мысль.

— Ладно, — Геннадий Валентинович выпрямился. — Может, бабка твоя чудила. Они, старые, любят всё переделывать по-своему.

Он ушёл, а я ещё долго стоял в прихожей, разглядывая зазор. Снизу тянуло холодом. Январский сквозняк гулял по лестничной клетке и заползал под дверь. Я пожал плечами и заложил щель свёрнутым полотенцем. Потом подумал — и заложил вторым.

На пятый день я встретил соседку.

Я как раз выносил мусор — тот самый мешок с травами, перехваченный скотчем для надёжности. Дверь соседней квартиры приоткрылась, и в щель выглянуло лицо старушки.

— Здравствуйте, — сказал я. — Я ваш новый сосед. Иван.

Старушка приоткрыла дверь шире. Она была маленькая, сухая, в вязаной кофте поверх домашнего платья. На носу сидели очки в толстой оправе на цепочке. Пахло от неё валидолом и сушёной мятой.

— Лидия Петровна, — представилась она. — А вы чей же будете?

— Внук Веры Фёдоровны. Из шестьдесят четвёртой.

Лидия Петровна замерла. Рука, державшая дверь, чуть дрогнула. Я заметил, как побелели костяшки — старушечьи, со вздутыми венами.

— Веры Фёдоровны, — повторила она медленно. — Стало быть, вернулись.

— Ну да. Квартира по завещанию. А вы знали бабушку?

— Знала, — она отвела взгляд. Поправила очки. — Все тут друг друга знают.

Повисла пауза. С лестничной клетки тянуло сквозняком. Лампочка на площадке моргнула.

— Вы уж извините, — сказала Лидия Петровна, — я пойду. Холодно.

— Конечно.

Она уже закрывала дверь, когда вдруг снова приоткрыла её — на пару сантиметров, не больше.

— Бабушка ваша... она всё слушала. По ночам. Говорила: «Лидя, ты не слушай, когда стучат. И не смотри, когда смотрят». — Она помолчала. — Может, вам тоже не стоит.

Дверь закрылась. Лязгнул замок. Я остался стоять с мусорным мешком в руке. «Не слушай, когда стучат. Не смотри, когда смотрят». Бред какой. Хотя... бабушка действительно была не от мира сего. В детстве я не придавал значения. Сейчас — уж тем более.

Я спустился к мусорным бакам. На улице валил снег — крупные хлопья падали на чёрный лёд, на ржавые качели во дворе, на припаркованные машины. Двое мальчишек лепили снеговика у соседнего подъезда. Снеговик получался кривой, с палками вместо рук. Я постоял немного, глядя на них. Простая, обычная жизнь. Снег. Дети. Красота.

Вернувшись домой, я увидел, что Барон сидит у входной двери. Он не спал — просто сидел и ждал меня, глядя на дверь, как сторожевой пёс.

Ночью было тихо. Только чуть-чуть скрипели половицы, остывая после долгого дня. Дом дышал. Был живым организмом.

Я запер дверь спальни изнутри. Просто так. Чтобы кот не гулял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.